

Владимир Кожедеев

Пляшущий сыщик

Владимир Кожедеев
Пляшущий сыщик
Серия «Юмор. Комедии.
Приключения», книга 3

<https://litres.ru/73941626>

SelfPub; 2026

Аннотация

Коллежский регистратор Аркадий Клюквин — самый нелепый сыщик в истории Российской империи. Его «дедукция» даёт сбои чаще, чем у него спадает с носа пенсне. Он путает грузчика с роялем с опасным преступником, принимает бутылку из проруби за послание от похищенной графини (а там — всего лишь старый знакомый картёжник) и постоянно попадает в истории, из которых его вызволяют друзья, жена и три нахальных мопса.

Но когда в Петербурге начинают пропадать хлебные подвалы, а фальшивые червонцы заполняют рынок, именно Клюквин оказывается тем, кто способен раскрыть преступление века. При поддержке своей супруги-фехтовальщицы Лизы, старого солдата Кузьмича и тётушки с мопсами, он выходит на след тайного общества «Тени империи» — и обнаруживает, что враги гораздо ближе, чем кажется, а правда... правда как квашеная капуста: её можно спрятать, но запах рано или поздно выдаст себя.

Смесь «Ревизора», «Шерлока Холмса» и бабушкиных солений. Пляшущий сыщик не умеет танцевать вальс, но он умеет побеждать

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	14
Глава 3.	24
Глава 4.	33
Глава 5.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Владимир Кожедеев

Пляшущий сыщик

Глава 1.

В конце XIX века, а именно 14 декабря 1883 года от Рождества Христова, в туманном Петербурге, на задворках Василеостровской части, жил-был коллежский регистратор Аркадий Евграфович Клюквин. Звучит гордо? Как бы не так. Коллежский регистратор — это чин такой, что ниже его только печная заслонка да дворник без сапог. Жалованье — четырнадцать рублей в месяц, из которых восемь уходило за комнату с видом на помойку, три — на щи и кашу в трактире «Золотой карась», а остальные два с полтиной — на керосин, карандаши и ленту для бабушкиного граммофона (которого, впрочем, у него не было, но мечтателя это не смущало).

Аркадий Клюквин был человек субтильного сложения: рыжеватые бакенбарды, торчащие в разные стороны, словно они пытались сбежать от хозяина; пенсне на чёрном шнурке, вечно заедавшее левую ноздрю; и сюртук, который когда-то был зелёным, но от стирок, дождей и безысходности приобрёл оттенок дохлой лягушки. Однако в глазах Аркадия горел огонь. Не тот огонь, что топит камин, а тот, что толкает человека на подвиги, глупости и написание писем в редакцию

«Петербургской газеты» под псевдонимом «Шерлок Калмыков».

Мечтал он о славе великого сыщика. Лондонский Холмс курил трубку и играл на скрипке — Аркадий курил дешёвый махорку (от которой чихал так, что стекла в комнатедребезжали) и пытался освоить губную гармошку. Увы, соседи снизу, мелкие чиновники с нежной нервной системой, трижды вызывали околоточного.

Правда, «дедукция» Клюквина давала сбои с завидной регулярностью. Однажды, прочитав свежий номер «Московского сыщика» (журнал, печатавшийся на серой бумаге с опечатками вроде «убийца был лыс, как калач»), Аркадий заметил на Невском проспекте подозрительного человека с большим свёртком. Человек крался, оглядывался, а из свёртка доносился странный, звенящий звук.

— Преступник! — прошептал Клюквин, натягивая котелок на самые глаза. — Вероятно, похищенные ценности!

Он преследовал «злодея» полчаса, петляя по Морской, Гороховой и Вознесенскому, пока не загнал его в тупик за Казанским собором. Аркадий, тяжело дыша, выхватил из кармана дамский ридикюль (это была его «тревожная сумка» с лупой, йодом и ржавым пистолетом) и рывкнул:

— Стой! Именем закона! Показывай свёрток!

Подозрительный тип оказался грузчиком Яшкой Толстопятовым, который нёс на спине концертный рояль немецкой фирмы «Бехштейн» в театр для итальянской оперы. Рояль

весил шесть пудов, и Яшка нёс его добровольно и за плату. От неожиданного окрика грузчик споткнулся, уронил рояль, и инструмент с жалобным «дзынь-дзынь» покатился по лестнице, убив наповал двух бездомных собак и разбив витрину модного сапожника.

Клюквина оштрафовали на два месячных жалованья. Соседи написали очередной донос о нарушении тишины. А в канцелярии его начальник, статский советник Филимонов, сказал ему с ледяной вежливостью:

— Клюквин, если вы ещё раз поймаете рояль, я заставлю вас переписывать «Свод законов Российской империи» гусиным пером. С завязанными глазами.

С того дня Аркадий дал себе слово: либо он раскроет настоящее преступление, либо бросит сыск и уйдёт в монахи (хотя у монахов тоже, говорят, свои тайны бывают).

Накануне Рождества 1883 года Петербург затянуло туманом такой густоты, что городские на перекрестках ощупывали носы прохожих, дабы не столкнуться лбами. Аркадий шёл по набережной Фонтанки, размышляя: стоит ли потратить последние 40 копеек на пару пирожков с ливером или же купить свечу и тайком почитать у знакомого стенографистки свежий номер «Уголовного вестника».

Вдруг прямо из полыни, в двух шагах от него, с глухим чавканьем вылетела бутылка. Не простая — с сургучной пробкой, перевязанная бечёвкой, и с запиской внутри.

Аркадий замер. Сердце его забилося так часто, что пенсне

подскочило на носу. «Это оно! — подумал он. — Знак судьбы! Не иначе, похищенная графиня или тайна иезуитов!»

Он выловил бутылку из ледяной воды собственной фуражкой (фуражка потом сохла три дня и села до размера детской шапочки) и извлёк записку. Ключок промокшей бумаги, нацарапанный углём, гласил:

«Спасите! Меня держат в подвале хлебного магазина купца Берестова на Лиговке. Запрашивают выкуп. Ноги припрожены к полу. Жизнь в опасности. Верьте и молчите. Ф.»

— Ф. — значит Фёдор? Франсуа? Фекла? — Клюквин подпрыгнул на месте от возбуждения (нервная привычка, за которую коллеги прозвали его «пляшущим сыщиком»). — Решено! Этой же ночью!

Он, недолго думая, нанял извозчика — единственного, кто согласился везти за пять копеек «до Лиговки и немного туда». Извозчик, мужик с лицом, изъеденным оспой и безысходностью, спросил:

— Барин, вы пьяны или так от природы?

— Я — сыщик! — гордо ответил Аркадий, поправив съехавшее пенсне.

— А, — протянул извозчик. — Тогда без разницы.

Хлебный магазин купца Берестова на Лиговке представлял собой мрачное двухэтажное строение, пахнущее ржаным духом, мышами и вековой грустью. Аркадий подошёл к чёрному ходу, вышиб дверь плечом (и чуть не вывихнул ключицу — дверь оказалась не заперта, просто плохо закры-

валась от сквозняка) и оказался в подвале.

Подвал был царством квашеной капусты. Повсюду стояли дубовые кадки в рост человека. Квашеная капуста была повсюду — на полу, на стенах, на потолочных балках и, вероятно, в душах умерших здесь когда-то рабочих. Вонь стояла такая, что у Аркадия заслезились глаза, а усы (те самые рыжеватые бакенбарды) начали сворачиваться трубочкой.

Тут из-за крайней кадки вынырнул булочник — борода-тый детина в колпаке, с руками, перепачканными тестом.

— Ты кто такой, антихрист? — заорал он, замахиваясь скалкой.

— Коллежский регистратор Клюквин! — выпалил Аркадий, демонстрируя засаленное служебное удостоверение (которое он сам себе нарисовал акварелью, ибо настоящего у него не было). — Именем закона! Где заложник?

— Какой заложник? — булочник опешил. — У нас капуста, баранки да вчерашний борщ в котле! Ты, барин, того... перегрелся на службе. Иди, выпей чего.

— Не отступлю! — Клюквин, словно ошпаренный, бросился к стенам, ощупывая бревна. — Я чувствую — здесь тайник!

Он принялся отодвигать кадки. В третьей по счёту капуста была особенно кислой — Аркадий поскользнулся на вывалившемся кочане, кубарем пролетел мимо булочника и врезался головой в стену. Стена... поддалась!

Доски разъехались. Открылся лаз. Тёмный, узкий, пахну-

щий плесенью и древними секретами.

— Ну, раз так... — пробормотал булочник, вытирая руки о фартук. — Ладно, барин, я пас. Мне за капусту заплатили, чтоб я молчал. А ты сам виноват.

С этими словами булочник выключил керосиновую лампу и исчез в темноте, оставив Аркадия с единственной спичкой и неистребимым оптимизмом.

Лаз вел в заброшенный склад, где когда-то хранили зерно. Сейчас там стояли пустые мешки, валялась сломанная телега и пахло крысами такой величины, что их было слышно даже без лупы.

Посреди склада, прикованный цепью к массивной дубовой балке, сидел человек. Лицо его было измазано сажей, на голове — помятый цилиндр, в зубах — соломинка для бод-рости духа.

— Слава Тебе, Господи! — сказал человек. — Два дня сижу. Два дня! Холодно, хоть волком вой. Принесли бы мне, злодеи, хоть щей с горохом, нет — одну капусту и то квашеную! А вы, сударь, кто будете?

Аркадий приблизился, поднёс спичку к лицу заточенного и ахнул:

— Федька?! Федор Свистунов?! Ты?!

Федька Свистунов, известный в узких кругах картёжник и шулер с большой дороги, а также бывший однокашник Аркадия по гимназии, растянул губы в улыбке.

— Аркашка! Какими судьбами? Всё в сыщиках ходишь?

— он покосился на мундир, выпачканный капустным рассолом. — Вижу, не очень удачно.

— Я тебя спасаю! — возмутился Клюквин. — Между прочим, рискуя жизнью!

— Ага, рискуя, — усмехнулся Федька. — Ты бы ещё штаны в проруби промочил. Ладно, давай эту цепь отковыривать. У тебя инструмент есть?

Аркадий полез в карманы. Извлёк: грязный платок, лупу с треснувшим стеклом, огрызок карандаша, два леденца (один прилипший к подкладке) и наполовину съеденную папиросу.

— Это что? — спросил Федька с ужасом.

— Набор сыщика-универсала! — обиделся Аркадий. — Лупа для улик, леденцы — чтоб горло не болело после сырого подвала, а карандаш — для зарисовок мест преступления.

— Ты, Аркаша, идиот, — сказал Федька ласково и с чувством. — Но другого выхода нет. Значит, так: иди наверх, найди там кузнечные клещи в кладовке булочника. Я видел. А я пока спою тебе песню про то, как меня обманул этот подлец Сеня Копчик.

— Сеня Копчик? — Аркадий замер. — Наш гимназический Сеня? Который крысу подложил?

— Тот самый, — Федька сплюнул сквозь зубы. — Он теперь не Сеня, а «влиятельный коммерсант». И это он меня сюда заточил за то, что я на картах его обыграл. Только я не играл — он сам подsunул мне краплёные карты, а потом обвинил в шулерстве. А выкуп требует — 500 рублей. У меня

ни гроша.

Аркадий, вместо того чтобы бежать за клещами, сел на мешок и задумался. Пенсне снова сползло набок.

— Значит, Копчик, — пробормотал он. — Значит, первый мой серьёзный противник. Это уже не кража бубликов в гимназической столовой. Это эпопея!

— Аркашка, твою эпопею — в примус! — простонал Федька. — Сначала клещи, потом разговоры.

Аркадий, конечно, принёс клещи. Цепь сняли. Федька, потирая затекшие ноги, сказал:

— Ты теперь влип, Ключвин. Копчик узнает, что ты меня вызволил, — припомнит. Он теперь с полицией дружит, с градоначальником в карты играет. Тебя со службы выгонят, в лучшем случае — в солдаты отправят.

— Не боюсь, — соврал Аркадий. — У меня есть дедукция.

— Иди ты со своей дедукцией, — вздохнул Федька. — Ладно. Я ухожу в подполье. Но имей в виду: ты мне теперь друг навек. А друзей я не забываю. Если что — зови. Я хоть и картёжник, а за свои верёвки ответить умею.

Они пожали друг другу руки. Федька ловко скрылся в тени. А Аркадий остался в сыром складе, с капустным рассолом на сюртуке, без шапки (фуражка ушла на вылов бутылки) и с ощущением, что жизнь его только начинается.

Именно отсюда и начался путь нашего героя. Путь, полный скандалов, ссор, драк, слёз, свадеб и предательств. Путь

человека, которого газеты назовут «Пляшущим сыщиком», а друзья — просто «наш недотепа Аркаша».

Но это — уже история следующих глав.

Глава 2.

Провинциальный уездный городок Кирсанов, в котором Аркадий Клюквин провёл своё босоное и конопатое детство, был местом, где время текло медленнее, чем смола по сосновой коре. Главную улицу, Московскую, мостили булыжником ещё при бабушке Николая Первого. С тех пор булыжники никуда не делись, а лишь глубже вросли в землю, словно решили там и умереть.

Дома были деревянные, резные, с петухами на крышах и неизменными геранью на подоконниках. Город просыпался под крик петухов и храп городничего Пантелея Ильича, человека столь огромного, что при каждом чихе в соборе Богоявления гасли лампадки.

Двенадцатилетний Аркаша был мальчишкой с вечно взлохмаченными рыжими вихрами, торчащими, как пучки проволоки, и носом, который постоянно обдирает о заборы, поскольку взгляд сыщика чаще всего был устремлён не под ноги, а вдаль — туда, где клубились преступления.

Первая его серьёзная слежка состоялась в тёплый майский полдень. Объектом стал местный лавочник, купец второй гильдии Самуил Моисеевич Шниперсон — человек с бакенбардами, напоминавшими веники, и с привычкой подозрительно оглядываться по сторонам, вынося утром мусорное ведро.

— Тут нечисто! — сказал Аркаша своему единственному на тот момент другу Ване Дроздову, тощему бледному мальчику с вечно засохшей корочкой на губе. — Я видел, как Шниперсон вчера вечером выскользнул из лавки с большим свёртком. И свёрток мяукал!

— Мяукал? — переспросил Ваня с сомнением. — Может, у него там кот в мешке?

— Не кот, а краденое! — горячился Аркаша. — Или похищенный младенец, переодетый в кошку. Пойдём, Ваня! Это наше дело — защищать угнетённых!

Три часа они лежали в крапиве напротив лавки Шниперсона. Крапива кусалась, от крапивы у Аркаши распухла левая щека, а у Вани — правое ухо. Шниперсон же тем временем вышел, снова огляделся, юркнул в подворотню и... начал раскладывать в укромном дворике плоски с молоком и обрезки колбасы для бездомных кошек. Кошек было четырнадцать штук. Все сытые, все благодарные, все ластились к лавочнику, как к родному отцу.

— Вот так преступление, — прошептал Ваня, дрожа от холода (крапива была холодная). — Колбасный заговор.

— Это он притворяется! — не сдавался Аркаша. — Под видом кошек он передаёт шифровки...

Но в этот момент одна из кошек, самая наглая — трёхцветная и бесхвостая — забралась на забор и с точностью снайпера прыгнула Аркаше прямо на голову. Когти, визг, вопли — и лавочник Шниперсон, выскочив с ухватом из

подворотни, обнаружил двух малолетних шпионов в зарослях крапивы.

— Полицию! — закричал он. — Шпионы! Немецкие! Или хуже — гимназисты!

Аркашу и Ваню доставили к городничему. Городничий, разобравшись, что к чему, от души посмеялся, угостил мальчиков калачом и отпустил с миром, но велел передать отцу Аркадия, мелкопоместному дворянину Евграфу Сидоровичу, что сын его «растёт государственным умом, но на место ему не библиотека, а батальон».

Отец, человек суровый и уса́тый, вместо батальона ограничился подзатыльником и запретом на сыск ровно на неделю.

— Учи, — сказал он, — лучше латынь. От латыни хоть ум есть, а от сыска — одна крапива.

Гимназия в Кирсанове была заведением с древними традициями, пахнущим мелом, варёными яйцами и розгами, которые держали в специальном шкафу в учительской. Шкаф этот запирался, но ключ от него висел на гвоздике рядом — для удобства.

Преподаватель латыни, некто Лука Филиппович Огрызков, был человеком удивительной наружности: совершенно лысым, но при этом свято верившим, что носит пышный парик из конского волоса. Парик этот (рыжеватый, торчащий во все стороны) был предметом его гордости и горьким источником школьного юмора. Ученики за глаза называли Лу-

ку Филипповича «Плиний Старший, но без волос».

И вот однажды, в предпоследний четверг перед Рождеством, парик пропал. Исчез. Испарился. Был украден! Лука Филиппович явился на урок в ватной шапке-ушанке (дело было в классе, при печках) и с лицом, выражающим глубочайшую трагедию.

— У нас в гимназии вор! — объявил он дрожащим голосом. — Похищена государственная ценность! Я буду писать директору! Инспектору! Товарищу министра народного просвещения!

Класс замер. Аркадий Клюквин, чьё сердце забилося от предвкушения, поднялся с места и произнёс, стараясь подражать лондонскому Холмсу (которого он никогда не видел и знал лишь по пересказам приятеля, служившего на телеграфе):

— Лука Филиппович, позвольте мне провести расследование. Улики говорят сами за себя.

Он важно прошёлся между партами, наступил на ногу здоровенному второгоднику Грише Муханову (за что получил тут же локтем в бок, но стерпел) и остановился перед партой сына городничего — Коли Копчика.

Нет, не того Копчика, о котором речь впереди. Коля Копчик был старшим братом Сени, совершенно глупым, но очень богатым и очень наглым увальнем, который платил слабым ученикам, чтобы те делали за него домашние задания.

— Вор — вы, — твёрдо сказал Аркадий, указывая пальцем. — Мотив — зависть к интеллекту Луки Филипповича. Орудие — ваши ручки. Улика — ваш портфель оттопырен!

Коля Копчик покраснел так, что стал похож на свёклу. Вскочил, схватил Аркашу за шиворот и прорычал:

— Ты, рыжий червь! Да я тебя!

Дальнейшее произошло быстро. Портфель Коли Копчика вскрыли в присутствии инспектора. Внутри... ничего. Никакого парика. Зато в портфеле Аркадия Клюквина (кто и когда туда его подложил — тайна, покрытая мраком гимназических интриг) обнаружили парик Луки Филипповича. Рыжий, лохматый, с пятнами йода на ленте.

Аркадий понял всё мгновенно. Его подставили. Но — поздно.

Наказание было жестоким: порка розгами в актовом зале. Отец, вызванный в гимназию, слушал приговор с каменным лицом, а потом дома сказал только:

— Дурак. Но — мой сын. В следующий раз умнее будь.

Порку Аркадий запомнил на всю жизнь. Не столько боль, сколько унижение. И ещё — взгляд из-за колонны актового зала: маленький Сеня Копчик, брат Коли, улыбался во все свои щербатые зубы. Ему было десять.

Но были в гимназической жизни Аркадия и светлые пятна. Одно из них — кража бубликов.

В гимназической столовой бублики были предметом во-

ждения всех учеников. Казённые, твёрдые, маковые — они казались слаще мёда в холодном Кирсанове, где нормальная выпечка появлялась раз в год на ярмарке.

Однажды бублики начали пропадать. Сначала по одному, потом целыми связками. Экономка Акулина Прокофьевна плакала, повар Антон Фомич грозил утопиться в щях, а гимназическое начальство объявило: вор будет высечен при всем собрании и исключён без права восстановления.

Аркадий рвался в бой. Он просидел в засаде за грубой (кирпичной печью) три перемены подряд, весь измазавшись сажей, и выследил вора.

Вором оказался Ваня Дроздов — его лучший друг.

Аркадий застал Ваню врасплох: тот дрожащими руками засовывал в карман форменной куртки два бублика, тайком взятых из корзины на раздаче.

— Ваня... — только и сказал Аркадий.

Ваня побледнел. Сел на пол, прижав колени к подбородку, и заплакал. Не залиvisto, не истерично — а тихо, по-взрослому, как плачут от безысходности.

— У нас дома, — прошептал он, — есть нечего. Мать хворающая, отец год назад в Одессу уехал на заработки — и пропал. Младшие сёстры плачут от голода. Я бублики им ношу. Я знаю, что это воровство. Но я не могу иначе.

Аркадий стоял, сжимая кулаки. В душе его боролись сыщик (который должен был доложить) и друг (который не мог предать).

— Ваня, — сказал он после долгой паузы. — Съешь этот бублик сам. Сейчас же. А я придумаю что-нибудь.

И он придумал. На следующее утро Аркадий Клюквин публично, в присутствии инспектора и всей столовой, заявил:

— Я украл бублики. Ваня Дроздов пытался меня остановить. Накажите меня.

Врёт он плохо — краснел, заикался, теребил пуговицу на мундире. Но инспектор, человек неглупый, всё понял. И всё равно высек обоих. Ване — за то, что не донёс. Аркадию — за ложное признание. Бублики больше не воровали — но каждую неделю у Вани в парте стал появляться свёрток с калачом, маслом и парой сушек. Кто клал — никто не знал. Но Ваня догадывался.

С тех пор они стали не просто друзьями, а братьями. И впоследствии, когда Аркадий оказался в Петербурге без гроша, именно Ваня Дроздов, ставший помощником присяжного поверенного, дал ему кров и первую работу.

Сеня Копчик, младший отпрыск богатейшей в Кирсанове семьи (торговали лесом, спиртом и, поговаривали, чем-то ещё менее праведным), был сгустком зла в детских штанишках. На вид — ангел: кудрявый, с ямочками на щёчках, с бантиком на галстуке. Внутри — крокодил.

Первая их стычка случилась на уроке чистописания. Сеня подставил ножку Аркадию, тот полетел с чернильницей прямо на каллиграфический пропись учителя. Учитель, старый

хрыч Лопухов, поставил двойку и оставил после уроков переписывать "Букву аз есть зеркало" сто раз.

Вторая — на Рождественском утреннике. Сеня громко объявил, что у Аркадия штаны зашиты "не по моде, а по нищете". Аркадий в ответ назвал Сеню "Копчённым поросёнком". Дрались в гардеробе, повалив три вешалки и шинель самого директора.

Но главное — крыса.

Урок Закона Божьего вёл протоиерей отец Евлампий, человек мягкий как воск и глухой как тетерев на току. Он читал "Блаженны нищие духом", а класс тихо занимался своими делами. Аркадий сидел на предпоследней парте и строил из лупы и коробки из-под ваксы "увеличительный прибор для чтения следов".

И вот во время молитвы "Отче наш" он открыл портфель и... оттуда прыгнула крыса.

Мёртвая. Стеклянными глазами. С хвостом, завязанным бантиком.

Аркадий заорал. Класс заорал. Отец Евлампий, решив, что начался Страшный суд, упал на колени и начал отпевать всех присутствующих. Крысу схватил за хвост самый смелый гимназист — здоровенный Панька Кабанов — и выкинул в форточку. Форточка открывалась во двор учительской, где в это время инспектор пил чай с баранками. Крыса приземлилась точнехонько в стакан инспектора.

Скандал был чудовищный. Аркадия обвинили в богохуль-

стве, хулиганстве и надругательстве над имуществом. Хотели исключить.

Но тут выступила горничная Копчиков, старая и болтливая Акулина (тёзка экономки). Она шепнула на ухо учителю чистописания, что видела, как Сеня Копчик накануне подходил к портфелю Клюквина. Тайное следствие, проведённое самими гимназистами (Аркадий мобилизовал Ваню и ещё двух обиженных Сеней мальчишек), обнаружило улику: в кармане куртки Сени лежал кусок верёвки, которой был завязан бантик на крысином хвосте.

Истина восторжествовала. Аркадия оправдали, а Сеня получил строгий выговор, три дня домашнего ареста и запрет посещать "вкусные перемены" (пятничные пирожки с печёнкой). Но ненависть не угасла.

— Ты заплатишь, Клюквин, — прошептал Сеня, проходя мимо Аркадия после оглашения приговора. — Я тебя сгною. Может, не сейчас. Но когда вырасту — ты пожалеешь. Твои дети пожалеют. И даже твоя собака, если она у тебя когда-нибудь будет.

— У меня кот, — ответил Аркадий. — И он тоже тебя боится?

— Смейся, — Сеня улыбнулся своей ангельской улыбкой. — Но у тебя никогда не будет ничего. Ни чина, ни семьи, ни покоя. Потому что я, Копчик, умею ждать.

И он сдержал слово.

Спустя много лет, в Петербурге, когда Аркадий Клюквин

уже стал "Пляшущим сыщиком", имел жену Лизу и маленькое бюро, именно Сеня Копчик, ныне "влиятельный коммерсант", начал свою игру. И пришёл к Лизавете с шантажом, держа в рукаве ту самую детскую крысу — не мёртвую теперь, а живую, из прошлого.

Но об этом — в следующих главах.

Глава 3.

Тётушка Аркадия, Аделаида Филипповна Клюквина (в девичестве Штольц), была женщиной эксцентричной, богатой и настолько вредной, что даже дворник её боялся. Она носила кринолины времен Николая Первого, держала четырёх мопсов с именами греческих философов и коллекционировала антикварные безделушки, среди которых затесалась та самая лупа.

Лупа была ювелирной работы: золотая оправа, рукоять из слоновой кости, а в центре линзы — крошечный бриллиант в виде мухи. Зачем муха — никто не знал. Тётушка утверждала, что «это для пристального взгляда на подноготную». Аркадий же использовал лупу в основном для того, чтобы рассматривать пятна на сюртуке и проверять, не поддельный ли сыр в трактире.

— Аркаша, — сказала тётушка при вручении подарка, поглаживая мопса Аристотеля по пузу, — ты коллежский регистратор, что по сути то же самое, что дворник, но с правом переписывать бумажки. Однако кровь Штольцев течёт в твоих жилах. Мы не прозябаем. Мы сверкаем. Даже если сверкаем только лупой.

С этими словами она вручила футляр, чмокнула племянника в лоб и тут же забыла о его существовании до следующего Рождества.

Аркадий же, получив записку из проруби и вызволив из капусты картёжника Федьку, понял: лупа нужна. Срочно. Ибо история с подвалом была не единичной.

В течение недели в Петербурге произошло ещё три подобных случая. В хлебных подвалах на Лиговке, Загородном и даже у Сенной площади находили тайные склады. Но не с заложниками, а с деньгами. Вернее, с фальшивыми деньгами. Искусно сделанными. Настолько искусно, что фальшивки можно было отличить от настоящих только при помощи: а) ювелирной лупы, б) десятилетнего опыта кассира или в) случайного удара кулаком по столу, от которого «червонец» разваливался на две половинки, как муха в оправе.

Одна из таких фальшивок попала к Аркадию через Федьку Свистунова (который, уходя в подполье, успел прихватить пару «образцов»).

— Смотри, Клюквин, — сказал Федька, выкладывая на стол грязную трёшницу. — Бумага вроде хорошая, но краска осыпается. А если лизнуть — вкус чернильный, а не как у настоящей.

— Ты лизнул казённый кредитный билет? — ужаснулся Аркадий.

— А что? «В тюрьме всё равно кормят хуже», — философски заметил Федька и исчез в ночи.

Аркадий начал слежку. Медленно, неуклюже, но с упорством, достойным лучшего применения.

Он выяснил, что фальшивки появляются в городе по чет-

вергам и воскресеньям. Развозят их якобы с доставкой хлеба. Подводы с калачами и баранками заезжают в подвалы, а выезжают оттуда уже с мешками, в которых не мука, а «белые» (так фальшивомонетчики называли поддельные ассигнации).

Аркадий вооружился. Кроме лупы, он взял с собой:

- блокнот (клетчатый, с рисунками уточек на обложке — других не было);
- карандаш (вечно ломался);
- свисток (чтобы звать городского, но свисток был игрушечный, из рождественского киндер-сюрприза);
- и револьвер системы «Смит-Вессон», который стрелял через раз и то если его молили.

Первый день слежки прошёл удивительно: Аркадий замаскировался под торговца пирожками. Он нацепил засаленный фартук, нарисовал усы углём и вышел к Лиговке с лотком, на котором лежали... два чёрствых пирожка и муха.

— Пирожки! — кричал он. — Горячие! С мясом! С соевостью!

На него никто не обращал внимания. Зато подводы ехали одна за другой. К вечеру Аркадий замёрз, съел пирожки сам (муху выплюнул) и потерял карандаш. Однако сделал открытие: все подводы принадлежали одному хозяину — пекарю Берестову. Тому самому, у которого в подвале томился Федька.

— Берестов — крючок, — записал Аркадий на клочке бу-

маги, — его надо брать.

И тут случилась катастрофа.

Аркадий стоял на углу Невского и Лиговки, когда заметил, что к подводе приближается подозрительная фигура. Маленькая, юркая, в сером пальто и шляпке с вуалью.

— Ага! — прошептал Клюквин. — Сообщница!

Он бросился к фигуре, схватил её за руку и громко объявил:

— Именем закона! Вы арестованы!

Фигура обернулась. Под вуалью оказалось не лицо преступницы, а лицо девушки. Лет девятнадцати, с огненно-каштановыми волосами, заплетёнными в тугую косу, с веснушками на носу и с глазами такого цвета, что Аркадий на секунду забыл, как дышать.

— Что-о-о? — переспросила девушка голосом, который мог расплавить чугун.

— Я... э-э-э... — начал Аркадий, но не успел.

Девушка, не говоря ни слова, свободной рукой отвесила ему такую оплеуху, что его пенсне улетело в сугроб, котелок покатился по мостовой, а сам он сделал три невольных шага назад и сел прямо в грязный лед.

— Дурак! — крикнула девушка. — Хам! Подонок! Я три часа следила за этой подводой, а ты всё испортил! Из-за тебя они заметили слежку и уедут!

— Но вы же... — Аркадий попытался встать, поскользнулся на собственной фуражке и шлёпнулся снова.

— Я кто? По-твоему, женщина не может быть сыщиком?
— девушка упёрла руки в бока. — Я, сударь мой, уже три недели веду это дело! Дядю моего оклеветали — и виноваты в этом именно пекари! А ты, с позволения сказать, «коллежский регистратор», только всё портишь!

Откуда она знала его чин — Аркадий не успел удивиться. Потому что в этот момент подвода рванула с места, а из неё выскочили двое здоровенных мужиков с ломami.

— Вяжи их! — заорал один. — Обоих!

Началась драка.

Аркадий никогда не был бойцом. Но тут он взбодрился. Первым делом выхватил игрушечный свисток и дунул изо всех сил. Раздался тоненький «пиу-пиу» — в ответ двое городских, услышав этот нелепый звук, решили, что балуются дети, и пошли дальше.

— Отлично! — крикнула девушка, ловко уходя от удара ломом и сбивая мужика с ног подсечкой. — Твой свисток — полный провал!

— Ах так? — обиделся Аркадий и в сердцах запульнул в нападающего... лупой. Ювелирной, с бриллиантом, подаренной тётушкой.

Лупа, описав дугу, попала мужику точно в лоб. Бриллиантовая муха отпечаталась на его коже красным пятном. Мужик взвыл, закрыл лицо руками, споткнулся о собственный лом и кубарем покатился под колёса подводы. Повозка накренилась, мешки с деньгами посыпались на мостовую, и

поддельные червонцы разлетелись, словно жёлтые листья в ветреный день.

— Ай! — сказала девушка. — Неожиданно.

— Дедукция! — гордо ответил Аркадий, хотя никакой дедукции не было, была чистая глупость.

В этот момент прибыл настоящий околоточный. Взяли обоих мужиков. Но подвода ушла.

Девушка стояла, тяжело дыша, с выбившейся из-под шляпки прядью волос, и смотрела на Аркадия так, будто решала — задушить его или расцеловать.

— Кто вы, чёрт возьми? — спросила она.

— Клюквин Аркадий Евграфович, коллежский регистратор, сыщик-любитель, — выпалил он, пытаясь отряхнуть сюртук от снега и грязи. — Ваш?..

— Лизавета Смирнова, — она протянула руку. — Курсистка, фехтовальщица и гражданская сыщица. И вы мне, Клюквин, должны новую шляпку — ваша дурацкая лупа порвала мне вуаль.

— Это была не лупа, — обиженно сказал Аркадий. — Это был дедуктивный снаряд.

Она рассмеялась. И в этом смехе было что-то такое, от чего у Аркадия закололо в груди.

— Ладно, — сказала Лиза. — Похоже, мы преследуем одних и тех же людей. Значит, будем работать вместе. Но учтите: если вы ещё раз схватите меня за руку на Невском, я отведу вас к мировому судье за оскорбление действием.

— А если я вас спасу? — ляпнул Аркадий, сам не зная зачем.

— Тогда поговорим, — усмехнулась она и, подобрав упавшую вуаль, исчезла в толпе.

На следующий день они встретились в трактире «У Степана». Лиза пришла с картой, Аркадий — с лупой и огромным синяком под глазом (от вчерашнего удара ломом, оставленным мужиком).

— Вы в порядке? — спросила она, стараясь не улыбнуться.

— В полной. Дедукция не знает усталости, — бодро соврал Аркадий. На самом деле голова болела так, что пенсне само сползало.

Они составили план. Лиза выяснила, что Берестов — не главный. Главный — таинственный «Мистер Крендель», который выдаёт фальшивые деньги хлебникам оптом. Он появляется в городе раз в месяц, и его никто не видел в лицо — только слышали голос из-за ширмы.

— Тихо, как в бане, — сказала Лиза. — Но я знаю, кто может нам помочь. Один знакомый кондитер на Невском — он поставлял Берестову муку. И он согласился на тайную встречу. Сегодня.

— Где? — спросил Аркадий.

— В танцевальном зале Благородного собрания. Под видом бала. Вы умеете танцевать?

Аркадий побледнел. Танцы в гимназии были его слабым

местом. На последнем экзамене он наступил на ногу учителю танцев, после чего учитель уволился и уехал в Париж, заявив, что «этого рыжего монстра не исправить и Господом Богом».

— Умею, — выдавил он. — Вальс. Немного. С опорой на стену.

— Плохо, — вздохнула Лиза. — Ладно, я буду вести. Только не наступайте мне на платье, а то застрелю.

Вечером в Благородном собрании Аркадий явился во фраке (взят напрокат, на три размера больше) и с цилиндром, который постоянно пытался улететь. Лиза была в чёрном бархатном платье, с открытыми плечами и с маленькой сумочкой, в которой лежал не веер, а револьвер.

Они прождали кондитера полчаса. Аркадий, стоя у колонны, случайно оперся о свечной подсвечник, тот рухнул. Лиза сделала вид, что не знает этого человека.

Наконец появился кондитер — толстый, потный, с усами, испачканными кремом. Он что-то зашептал Лизе на ухо, а потом вдруг побледнел, выронил записную книжку и убежал вон.

— Он сказал, — прошептала Лиза, — что на встречу придут не они, а убийцы. И что за нами следили весь день. Нам нужно уходить.

— Поздно, — сказал голос за спиной.

Обернувшись, Аркадий увидел троих здоровенных верзил в смокингах — и одного маленького, но очень юркого

типа, в котором он с ужасом узнал... Федьку Свистунова.

— Федька? — ахнул он. — Ты?! Ты их сообщник?

Федька улыбнулся кривой улыбкой:

— Аркаша, друг мой дорогой. В этом городе нельзя быть на одной стороне долго. Но не бойся — я пришёл не тебя бить. Я пришёл сказать: «Мистер Крендель» — это Сеня Копчик. Твой старый враг. И он в курсе всего — про бутылку, про подвалы, про твою дедукцию. Он ждёт тебя внизу, в подвале этого же здания. Один. Без оружия. Хочет предложить сделку.

— Не ходи, — сказала Лиза, схватив Аркадия за рукав.

— Надо, — ответил Аркадий. — Дедукция требует риска.

И он пошёл — вниз, в темноту, туда, где в зловещем полумраке горела единственная свеча, а за столом сидел человек, которого он ненавидел с детства.

Сеня Копчик. Улыбался. И жестом приглашал сесть.

— Клюквин, — сказал он, — пять минут. Только ты и я. А потом решим — работать на меня или умереть под фальшивыми червонцами.

Глава 4.

Подвал Благородного собрания оказался именно таким, каким его рисует воображение, напуганное дешёвыми романами: сырым, тёмным, с плесенью на стенах и запахом, в котором угадывались мыши, одиночество и многолетняя безнадёга. Единственная свеча горела на дубовом столе, и её свет выхватывал из мрака лицо Сени Копчика — теперь уже «Семёна Игнатьевича», как он предпочитал себя величать.

Сеня изменился. Детская пухлость исчезла, уступив место хищной одутловатости. Он носил безупречный сюртук от лучшего портного на Невском, перстень с рубином на мизинце и улыбку, которая не поднималась выше усов.

— Клюквин, — сказал он, не вставая. — Садись. Не бойся, кресло чистое. Я не настолько жесток, чтобы пачкать твои и без того не блестящие чистотой брюки.

Аркадий сел. Сел с достоинством человека, у которого за спиной стоит девушка с револьвером (Лиза осталась наверху, у лестницы, с условием: «Если через пятнадцать минут не выйдешь — я стреляю без предупреждения, возможно, в тебя»).

— Я слушаю, Копчик, — холодно сказал Аркадий. — И напоминаю: шантаж и подделка денег — это статья. До Сибири недалеко.

Сеня рассмеялся. Смех был неприятным — каркающим,

как у галки, обьевшейся падали.

— Дорогой мой Аркадий Евграфович, — произнёс он, растягивая слова. — Ты всё ещё играешь в сыщика? Всё ещё веришь, что справедливость можно купить за коллежского регистратора с жалованьем в четырнадцать рублей? У меня таких двое прислуживают — за столом вилки раскладывают.

— Переходи к делу, — перебил Аркадий. — У меня нет времени слушать твои коммерческие успехи.

— Хорошо, — Копчик наклонился вперёд, и свет свечи сделал его лицо похожим на маску Мефистофеля. — Я предлагаю тебе сделку. Ты прекращаешь расследование фальшивых денег. Забываешь о подвалах, о хлебниках, о бутылке, которую ты выловил. А я... я делаю тебя начальником сыскной полиции в этом городе. С квартирой, жалованьем, лошадью и правом носить мундир с серебряными петлицами.

Аркадий молчал. Слишком хорошо он знал Копчика, чтобы сразу отказаться. Такие люди, как Сеня, не прощают обид. И если он предлагает сделку — значит, отказ будет стоить дорого.

— А если я откажусь? — спросил Клюквин.

Сеня вздохнул, как учитель, разочарованный в нерадивом ученике.

— Тогда, Аркаша, я уничтожу тебя. По судам затаскаю, шантаж подброшу, улики сфабрикую. Я уже купил полицмейстера и половину градоначальства. Ты даже не представляешь, как легко — посадить честного человека. Достаточно

одного доноса.

Он помолчал и добавил почти ласково:

— А ещё, Клюквин, у меня есть кое-что на твою новую знакомую. Девушку эту, Лизавету. Симпатичная, правда? Жаль, что её папаша — убийца.

Аркадий вскочил так резко, что кресло опрокинулось.

— Врёшь! — крикнул он. — Отец Лизы не убийца!

— Ты уверен? — Копчик улыбнулся и достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги, перевязанный чёрной ленточкой. — Вот. Копия приговора. Сослан в Сибирь за убийство дворянина Ракитина. Дело закрыто, апелляции нет. Хочешь, покажу оригинал?

— Это фальшивка! — Аркадий сжал кулаки. — Как и твои червонцы!

— Возможно, — пожал плечами Копчик. — Но выглядит убедительно. А для сплетен в петербургских гостиных этого достаточно. Представь, что будет, когда я расскажу всем, что твоя невеста (или кто она тебе) — дочь убийцы. Тебя выгонят со службы, её — вышвырнут с курсов, а все твои «раскрытия» назовут липой.

Аркадий стоял, тяжело дыша. В груди клокотало такое бешенство, какого он не испытывал со дня крысиной истории.

— Я не приму твоей сделки, Копчик, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Я не играю с подлецами. И я раскрою твои дела. Все до единого. Клянусь лупой тётушки.

— Зря, — Сеня убрал бумагу в карман. — Очень зря.

Он щёлкнул пальцами. Из темноты выступил верзила в смокинге и встал между ними.

— Проводи гостя, — сказал Копчик. — И передай его спутнице, что я скоро пришлю ей приглашение на чай. У нас с ней будет важный разговор.

Аркадий хотел было броситься на него, но верзила вежливо, но твёрдо взял его за шиворот и выставил вон. За дверью стояла Лиза — бледная, с револьвером наизготовку.

— Ну? — спросила она. — Что он сказал?

— Потом, — Аркадий схватил её за руку и потащил к выходу. — Уходим.

Вернувшись в каморку Аркадия на Васильевском острове, они сели на продавленный диван, пили остывший чай и размышляли.

— Он будет шантажировать тебя, — сказал Аркадий мрачно. — Он показал мне какую-то бумагу про твоего отца.

Лиза побелела так сильно, что веснушки стали похожи на ожог.

— Какую бумагу? — голос её дрогнул. — Аркадий... ты видел её? Ты читал?

— Нет. Но он сказал, что твой отец — убийца. Это же неправда?

Лиза молчала. Молчала долго. Так долго, что Аркадий успел дважды выпить остывший чай и трижды поправить пенсне.

— Правда, — наконец выдохнула она. — То есть неправ-

да, но по документам — правда.

— Лиза, говори толком!

И она рассказала. Её отец, Николай Смирнов, был управляющим имением у богатого помещика Ракитина. Тот Ракитин застрелился сам — из-за карточных долгов, из-за разорения, из-за пьянства. Но его родственники, желая получить страховку, подкупили следователя и сфабриковали дело: объявили, что Смирнов застрелил Ракитина из ревности. Отца сослали на каторгу, мать умерла от чахотки через год, а Лизу взяла к себе тётка — та самая, что потом умерла при странных обстоятельствах.

— Я хочу восстановить правду, — сказала Лиза, сжимая кружку так, что та затрещала. — Для этого я и стала сыщицей. Но бумага, которую показал тебе Копчик, — это копия сфальсифицированного приговора. Если она попадёт в газеты — мне конец. Курсы закроют, меня выгонят, меня будут пальцами показывать.

— И поэтому ты будешь молчать? — спросил Аркадий.
— И позволишь ему шантажировать тебя?

— А что мне делать? — Лиза вскочила. — Пойти в полицию? Копчик их купил! Обратиться к мировому судье? Тот на его жалованье живёт!

— Есть я! — Аркадий тоже вскочил, стукнувшись головой о низкую притолоку. — Ай! Есть я, Лупа, дедукция и Ваня Дроздов, который, между прочим, помощник присяжного поверенного! Мы найдём способ!

— Ты смешон, — сказала Лиза, и в голосе её слышались слезы. — Ты, коллежский регистратор с треснутым пенсне и долгами за квартиру, собрался воевать с Копчиком, у которого дом на Английской набережной и личный выезд! Ты погибнешь, Аркадий! И меня утащишь за собой!

Это была первая их серьёзная ссора. Лиза кричала, Аркадий кричал в ответ. Она швырнула в него подушкой (промахнулась, попала в клетку с канарейкой — канарейка чуть не умерла от испуга). Он в отместку спрятал её револьвер в ящик с носками. Она нашла его через три минуты, потому что «ты, Аркадий, прячешь вещи как пятилетний ребёнок».

Потом Лиза заплакала. Села на диван, закрыла лицо руками и заплакала — громко, захлёб, как плачут, когда больше нечем держаться.

— Я не хочу тебя терять, — сказала она сквозь рыдания. — Ты единственный, кто поверил мне без бумажек.

Аркадий, человек неловкий, неуклюжий и не умеющий утешать, сделал единственное, что пришло ему в голову: сел рядом, обнял её за плечи и сказал:

— Дура ты, Лизавета. Я никуда не денусь. Мы вместе. Дедукция и отчаяние — плохая смесь, но у нас есть ещё упрямство и юмор. И Ваня. И Кузьмич. И лупа с бриллиантом. А бриллиант, между прочим, если его продать, стоит как полдома Копчика.

— Ты продашь тётушкину лупу? — всхлипнула Лиза.

— Если понадобится — продам и штаны. Но сначала по-

пробуем по-умному.

Она подняла голову. Глаза красные, нос распух, но в них уже загорался прежний огонь.

— По-умному — это как?

— А вот так, — Аркадий достал блокнот. — Ты будешь искать улики. Ты же у нас гений — след от сапога, пятно варенья на манжете. Ты видишь то, чего я не замечаю. А я... я буду разыгрывать из себя дурака. Копчик ждёт от меня глупостей — я их сделаю, но нарочно. И пока он будет смеяться, мы подкопаемся под его империю.

— Ты и так дурак, — улыбнулась Лиза.

— Это моя маскировка, — серьёзно ответил Аркадий.

На следующее утро они начали работать как настоящая команда.

Лиза оказалась тем, что называют «гений аналитики». Она замечала то, что Аркадий просматривал. Например, на месте одного из складов она увидела на полу пятно варенья — вишнёвого, дорогого.

— Какое варенье в подвале? — спросила она. — Кто его ел? Это не рабочие. Рабочие едят кашу с салом, а не варенье из дворянского магазина «Абрикосов и сыновья».

— Может, Копчик варенье любит? — предположил Аркадий.

— Копчик любит деньги. А варенье — его сообщник. Ищи человека с липкими пальцами.

Нашли. Им оказался приказчик Берестова, некто Харитон

Пупыркин — тучный мужчина, вечно носивший с собой банку варенья и ложку. Пупыркин сознался под угрозой револьвера Лизы, что именно он закладывал фальшивки в мешки с мукой.

А ещё Лиза увидела на манжете у одного из возниц след от сапога — но не простой, а с отпечатком подковы особой формы. Такие подковы делали только в одной кузнице на окраине, у мастера Фомы Косого. Тот, напуганный до смерти появлением «девки с револьвером и рыжего верзилы» (так он описал Аркадия), признался, что подковывал лошадей для самого «Мистера Кренделя». И Крендель этот приезжал в карете с гербом, похожим на графский.

— Ищи графа, — сказала Лиза.

— Среди моих знакомых графов нет, — вздохнул Аркадий. — Есть тётушка, мопс Аристотель и дворник Егор, который пьёт и ругается по-французски.

— Тогда ищи через кондитера. Того, что сбежал на балу.

Но кондитера нашли мёртвым. Убит выстрелом в затылок. На груди — записка: «Клюквину. Следующий будешь ты. Копчик».

Аркадий побледнел. А Лиза, вместо того чтобы испугаться, сказала:

— Он испугался. Значит, мы на верном пути.

А потом началось самое тяжёлое.

Сеня Копчик пригласил Лизу на чай. Не в ресторан, не в гостиницу — в свой дом, на Английскую набережную, под

видом «делового разговора». Лиза не сказала Аркадию. Пошла сама.

— Ваш папа, Смирнова, — сказал Копчик, разливая чай в фарфоровые чашки с золотым ободком, — сидит в Нерчинске. Каторга. Каждую неделю пишет письма, полные слёз и надежды. А я, знаете ли, дружу с начальником тюрьмы. Я могу эти письма перехватывать. А могу — отправить в Петербург, в газету «Новое время». Вместе с приговором.

— Что вам нужно? — спросила Лиза, не притрагиваясь к чаю.

— Пустячок. Вы — умная девушка. Я хочу, чтобы вы следили за Аркадием. Докладывали мне, что он замышляет, куда идёт, с кем встречается. В обмен — ваше доброе имя и письма отца, которые я, разумеется, передам вам лично.

Лиза молчала. Внутри неё всё кипело. Она хотела разбить чашку об его наглую рожу. Но пересилила себя.

— Я подумаю, — сказала она.

— Думайте, — улыбнулся Копчик. — Но недолго. Неделя, Смирнова. Ровно неделя.

После этого начались тайные встречи. Лиза встречалась с Копчиком в парке, в книжной лавке, на задворках театра. Она отдавала ему мелкие сведения: «Аркадий сегодня ходил на Лиговку», «Аркадий говорит про какого-то Кузьмича», «Аркадий ищет кузнеца Фому».

Аркадий ничего не замечал. Он был слишком занят делом — и слишком доверчив.

Но однажды ночью он проснулся и не нашёл Лизы рядом. Она вернулась только под утро — заплаканная, с выбившейся косой.

— Где ты была? — спросил он.

— Гуляла, — соврала она. — Душно в комнате.

— В феврале? — усмехнулся Аркадий. — Лиза, ты врешь так же плохо, как я танцую вальс.

И тогда она взорвалась. Рассказала всё. Про чай, про письма, про обещания Копчика уничтожить её отца, про слезку и доносы.

Аркадий слушал молча. Потом встал, подошёл к окну и долго смотрел на заснеженный двор.

— Почему ты не сказала сразу? — спросил он тихо.

— Потому что боялась, — Лиза вцепилась ему в плечо. — Боялась, что ты полезешь к нему и погибнешь. Боялась, что ты скажешь: «Уходи, предательница». Но я не предательница, Аркадий! Я хотела выиграть время!

— Дура, — сказал он. — В который раз — дура. Мы — команда. Или ты забыла? Вместе — даже против шантажа. Даже против всей полиции. Даже против Копчика с его деньгами.

Они обнялись. Долго. Так долго, что канарейка в клетке заскучала и чирикнула.

— Вот что, — сказал Аркадий, отстраняясь. — Мы переиграем его. Сделаем вид, что ты продолжаешь шпионить. Но будешь докладывать не правду, а то, что нам выгодно. Зама-

ним его в ловушку.

— А письма отца? — прошептала Лиза.

— Укроем, — просто сказал Аркадий. — Укроем. Это не по закону, но иногда закон молчит, когда речь идёт о спасении невинных. А я, Лиза, сам решаю, когда моей совести можно поступиться.

— Ты удивительный человек, — сказала она, вытирая слёзы. — Нелепый, неуклюжий, с дурацким пенсне — но удивительный.

— Это дедукция, — ответил Аркадий. — Дедукция и любовь. Плохая смесь, но мы справимся.

На следующий день они собрали совет. Ваня Дроздов пришёл с Уложением о наказаниях, Кузьмич — с деревянной ногой и ружьём, а тётушка Аделаида Филипповна (которую подключили через телеграм) прислала телеграмму: «Бей Копчика, он ещё в гимназии гадил. Лупу не продавай — она твоё наследство. А мопсов корми гречкой».

План был дерзким. Лиза должна была сказать Копчику, что Аркадий собирается вскрыть тайный склад на Бугорковской улице в полночь. Но на самом деле никакого склада не было — была старая баня, где Аркадий с Кузьмичом устроили засаду.

Они наняли Федьку Свистунова (который, оказалось, не был сообщником, а просто боялся Копчика и прикидывался). Федька согласился выступить лжесвидетелем, заявив в полиции, что Копчик сам признался ему в подделке денег.

— За это меня убьют, — сказал Федька.

— Не убьют, — пообещал Аркадий. — Мы тебя спрячем у тётушки. Она таких, как ты, любит — говорит, что они «живые и при деле».

Кульминацией стал момент, когда Копчик, явившись в баню с подручными, обнаружил там не Аркадия, а... Лизу. С револьвером.

— Сдавайся, Сеня, — сказала она. — Бумаги твои уже у Вани. Склад нашли. Свидетели есть.

Копчик захохотал. И тут из темноты вышли Аркадий, Ваня и Кузьмич с ружьём. А за ними — двое городских, которых позвал не свисток, а настоящий полицейский свисток Кузьмича (взят у знакомого урядника).

— Клюквин! — заорал Копчик. — Ты пожалеешь!

— Уже жалею, — ответил Аркадий, поправляя пенсне. — Жалею, что не сделал этого в гимназии, когда ты подложил мне крысу.

Копчика связали. Подручные разбежались. Баня была объявлена местом преступления.

А Лиза, стоя на пороге, вдруг рассмеялась — громко, счастливо, заливисто.

— Ты всё-таки сделал это, — сказала она. — Пляшущий сыщик.

— Это была команда, — скромно ответил Аркадий. — Дедукция, варенье, сапоги и любовь. Без любви — никак.

Она поцеловала его. Прямо при всех. При Ване, покрас-

невшем до корней волос. При Кузьмиче, который закашлялся и отвернулся. При городских, сделавших вид, что изучают звёзды.

— Ну вот, — сказал Аркадий, когда они отдышались. — Осталось только суд, восстановление доброго имени твоего отца и моя свадьба. Ах да, и бриллиантовую лупу надо вернуть тётушке, а то обидится.

— Успеем, — улыбнулась Лиза. — Успеем, мой нелепый сыщик.

Глава 5.

Суд над Семёном Игнатьевичем Копчиком должен был стать событием года. Петербургские газеты за месяц распродали места в зале заседаний, как билеты на оперу. Дамы заказывали новые платья, мужчины точили пенсне, а сам обвиняемый, сидя в камере предварительного заключения, каждое утро требовал к завтраку «икры, омаров и шампанского — я всё равно заплачу».

— Не заплатите, — мрачно сказал следователь. — Ваши счета арестованы.

— Тогда я буду жаловаться самому государю! — Копчик топнул ногой так, что с полки упала арестантская кружка.

Государь, впрочем, о Копчике не узнал. Зато узнал весь Петербург.

Судья, старый пьяница и взяточник, которого Копчик тоже подкупил, сидел в кресле с таким лицом, будто у него болели сразу все зубы. Прокурор, молодой и восторженный, вставал после каждой фразы и тыкал пальцем в сторону подсудимого, крича: «Злодей! Чудовище! Кровопийца!»

— Ваша честь, — обращался защитник Копчика, хлыщеватый адвокат с бакенбардами, похожими на хвосты моржей, — мой подзащитный — уважаемый коммерсант, благотворитель и отец семейства!

— Он не отец семейства, — шепнул Аркадий сидящей

рядом Лизе. — Он даже кота не завёл, потому что кот от него сбежал через три дня.

— Тише, — шикнула Лиза. — Ты сейчас засмеёшься — и нас выведут.

В качестве свидетелей выступали: Федька Свистунов (выбритый, в чужом пиджаке, постоянно оглядывался на дверь, ожидая киллера), булочник Берестов (который плакал и просил прощения у капусты), приказчик Пупыркин с банкой варенья в руках («это вещдок! — кричал прокурор. — Улика! След вишнёвого варенья на фальшивках!») и даже тётушка Аделаида Филипповна, которая прислала письменные показания: «Клянусь мопсами, этот мерзавец ещё в гимназии подкладывал крыс. И если суд его не посадит, я приеду в Петербург и организую самосуд с участием Аристотеля, Платона и Сократа».

Сократ был мопсом с грыжей.

Кульминацией суда стал момент, когда Аркадий Клюквин встал, чтобы дать показания.

— Ваша честь, — начал он, нервно поправляя пенсне, — я утверждаю, что Копчик подделал не только деньги, но и судебные бумаги, обвиняющие отца Лизаветы Смирновой в убийстве. Настоящий убийца — некто Ракитин, застрелившийся сам, о чём есть свидетельства его камердинера.

— Свидетельства? — переспросил судья, прищурившись.

— Э-э-э... они ещё в пути, — признался Аркадий. — Камердинер живёт в Пскове и едет на перекладных. Обещал

быть через неделю.

— Через неделю? — захохотал Копчик с места. — Ваша честь, это же цирк! Этот рыжий недоумок привёл суд в балаган!

— Обвиняемый, тихо! — стукнул молотком судья. — Свидетель, продолжайте.

— Я продолжаю, — сказал Аркадий, набрав воздуха. — Копчик также подкупил половину полиции, включая околоточного на Лиговке, который брал с него тысячу рублей в месяц.

— Ложь! — заорал околоточный, сидевший в зале.

— А вот и нет! — парировал Аркадий и вытащил из кармана записную книжку. — Вот расписки. Собственноручные. Копчик хранил их в сейфе, а я их выкрал.

В зале взорвались аплодисменты. Судья начал звенеть колокольчиком, как пожарный. Копчика увели под крики «Позор!» и «В Сибирь его!».

Итог был предрешён: четыре года каторги, конфискация имущества и запрет проживать в столичных губерниях после отбытия наказания.

Копчик, уводимый жандармами, обернулся к Аркадию и прошипел:

— Ты ещё заплатишься, Клюквин. У меня везде люди.

— Даже в бане? — спросил Аркадий. — В бане, Копчик, я уже был. Не понравилось.

— Шутник, — Копчик сплюнул на пол. — Смотри, не

лопни от смеха.

Через месяц после суда Аркадия Клюквина не просто восстановили на службе, а повысили. Коллежский асессор! Четырнадцать рублей превратились в двадцать пять! И право на мундир с двумя галунами! Он даже отрастил небольшие усы — для важности, но усы лезли не туда, куда надо, торчали врозь и постоянно попадали в суп.

— Ты похож на ошетилившегося ёжика, — сказала Лиза, разглядывая его новую физиономию.

— Это маскировка, — ответил Аркадий. — Ни один преступник не ожидает, что сыщик будет похож на ёжика.

— Преступники будут смеяться, — улыбнулась Лиза.

— Значит, я их усыплю бдительность своей нелепостью.

Лиза тоже получила награду — от градоначальника личную благодарность «за усердие и отвагу, достойную мужчины». Она подала прошение о пересмотре дела отца. В Петербург ехал тот самый камердинер из Пскова, который должен был дать показания.

Но камердинер не приехал.

— Исчез, — сказал Ваня Дроздов, забежавший к Аркадию с новостью. — Испарился. Дома нет, соседи сказали, что три дня назад его увезли в чёрной карете с гербами.

— Снова Копчик? — Лиза побледнела.

— Копчик в тюрьме, — покачал головой Ваня. — Там есть кто-то другой. Кто-то, кто не хочет, чтобы дело твоего отца пересматривали.

— У Копчика были сообщники, — вспомнил Аркадий. — Те, кто остался на свободе. Например, граф, чей герб был на подковах.

— Или тот, кто застрелил кондитера, — добавила Лиза. — Мы так и не нашли убийцу.

В комнате повисла тишина. Только канарейка чирикала, не подозревая о драме.

Несмотря на тревоги, свадьбу решили не откладывать. Лиза заявила:

— Я не выйду за тебя, пока не восстановим имя отца.

— А я не стану ждать, — возразил Аркадий. — Выйдешь. Мы поженимся, а потом восстановим. В каком порядке — неважно. Важно, что вместе.

Лиза долго спорила, топала ногами, грозилась застрелить Аркадия его же револьвером (который она же и конфисковала). Но в итоге сдалась.

Свадьба была назначена на 15 мая — в день, когда цвела сирень и на улицах Петербурга появлялись первые лоханы с мочёными яблоками.

Однако всё пошло не по плану.

Во-первых, фрак Аркадия оказался мал. Не просто мал — он трещал по швам, когда жених делал вдох. В портняжной мастерской сказали: «Мы перешивали этот фрак уже три раза. Если принесёте ещё раз, мы подожжём его вместе с вами».

Пришлось Аркадию идти венчаться в сюртуке с пятном

от капустного рассола (на память о Федьке).

Во-вторых, тётушка Аделаида Филипповна приехала не одна — с тремя мопсами, которые на поверке оказались не обучены выносить торжественные моменты. Посреди венчания, когда священник спросил: «Имаши ли произволение благое и непринужденное?», мопс Аристотель громко зала-ял на притвор.

— Это означает «да», — прошептал Аркадий священни-ку.

Священник перекрестился.

В-третьих, потерялось кольцо. Невеста расплакалась. Ар-кадий обыскал карманы, потом пол, потом заглянул в пасть мопсу Платону (не нашёл, но Платон обиделся и укусил его за палец). Кольцо нашли в туфельке Лизы — она положила его туда сама накануне, чтобы не забыть.

— Это плохая примета, — сказала свидетельница, толстая купчиха, приглашённая тётушкой.

— Наплевать, — ответил Аркадий и надел кольцо Лизе на палец.

Поцелуй был таким долгим и неуклюжим, что у Аркадия слетело пенсне и упало в купель со святой водой. Священник достал его щипцами для углей.

— Благодать снизошла на оптику, — важно сказал он.

Свадебный обед проходил в трактире «У Степана», где Аркадий когда-то впервые встретился с Лизой за картой. Столы ломились от закусок — селёдка под шубой, студень,

пирожки с визигой, заливной поросёнок и три ведра квашеной капусты (от Берестова, который просил прощения и плакал).

Главным гостем неожиданно стала мать Лизы — Татьяна Павловна Смирнова, которую Аркадий видел впервые. Женщина суровая, с усами, на которую работала вся деревня от ужаса.

— Так это ты, рыжий, — сказала она, оглядев Аркадия с головы до ног. — Жалованье — двадцать пять рублей. Квартира — каморка. Мебели — диван, стол и клетка с птицей. Это ты называешь семьёй?

— Мама, — взмолилась Лиза, — не начинай!

— Я не начинаю, — Татьяна Павловна развернулась к гостям. — Я констатирую факты. Моя дочь вышла за нищего, который в придачу сыщик-недоучка. Он даже крысу отличить от парика не может!

— Это было в детстве! — воскликнул Аркадий.

— В детстве у него и крысы были, — вставила тётушка. — А вот мопсы — у меня. И они, между прочим, воспитаннее некоторых.

— Вы про меня? — взвилась Татьяна Павловна.

— Про мопсов, — парировала Аделаида Филипповна. — Мопсы хотя бы не лезут в чужие трактиры указывать, кому на ком жениться.

Скандал разгорался. Гости разделились на два лагеря: сторонники тётушки (с мопсами) и сторонники Татьяны Пав-

ловны (с кулаками). Ваня Дроздов пытался их разнимать, ссылаясь на статью о мелком хулиганстве. Кузьмич махал деревянной ногой, угрожая «всем бабам заткнуть фонтан красноречия».

И в этот момент дверь трактира распахнулась.

На пороге стоял человек. В цилиндре, с тростью, в безупречном сюртуке. Лицо его скрывала чёрная шёлковая маска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.